

Памяти моей мамы
Нестеровой Александры Семеновны

Любые совпадения с реальными людьми,
компаниями, событиями являются случайными.

Часть первая

СОСЕД

Глава 1

Звонок Зина не слышала. Он ей снился. Какой-то идиот давил на кнопку в два часа ночи.

— Тише, — увещевала его Зина во сне. — Если разбудите Ваню, он захнычет, а Саня тут же отзовется ревом. А я спать хочу! Боже, как я хочу спать!

Звонок не умолкал. Зина встала и босиком потопала в прихожую. Она припала к дверному глазку, но ничего не увидела. Потом сообразила, что забыла открыть глаз. С трудом разлепила веки: на площадке, округленный маленькими линзами глазка, стоял толстый мужик. Зина узнала нового соседа. Она открыла дверь и уловила от покачнувшегося визитера винно-одеколонный дух. Он оторвал руку от звонка, потерял равновесие и едва не тюкнулся в Зину.

— Тише, — пробормотала она.

— Добрый вечер, то есть ночь. Извините за беспокойство, — громко и весело пророкотал сосед.

— Тише, — поздоровалась Зина.

— Можно у вас одолжить телевизор?

— Тише! — Других слов Зина не помнила.

Она развернулась и пошла в комнату. Ее не удивила просьба, сейчас ее ничто не могло удивить.

За возможность поспать она отдала бы не только телевизор, но и пылесос, сервант, годы жизни и душу.

Сосед запутался в пеленках, которые сушились по всей квартире на веревках.

— О, черт, где вы тут?

— Здесь, тише. — Зина ткнула пальцем в угол на телевизор. — Вот.

— Спасибо, я завтра обязательно верну.

— Тише.

— У вас дырочка на рубашке, — пьяно пролепетал сосед.

Он игриво пощекотал Зинину спину, забравшись пальцем в прореху.

— Тише...

«Действительно, забыла зашить, — подумала Зина. — Вдруг он уронит телевизор? Только этого не хватало». Она отстранилась и еще раз показала в угол:

— Вот телевизор, только тише, пожалуйста.

— Для первого знакомства наше общение исключительно плодотворно. — Сосед даже не пытался понизить голос.

— Тихо. — Зина умоляюще приложила палец к губам.

Сосед обхватил телевизор и потянул на себя, не отсоединив провода. Два кабеля, электрический и антенный, натянулись, оборвались и поволоклись по полу. Зина пошла в прихожую. У входной двери стояла прогулочная коляска близнецов, загораживая проход. Чтобы помочь выбраться из квартиры человеку с большой но-

шей, нужно было совершить маневр: отодвинуть коляску, стать в угол, задвинуть коляску, открыть дверь. Прodelывая эти манипуляции, Зина свободной рукой сняла с лица чертыхающегося соседа мокрую распашонку, которую он по дороге подцепил с веревки.

— Тише, тише, — шептала Зина.

— Ваш словарный запас меня потряс, — сказал сосед на прощание.

Захлопнув дверь, Зина вернулась в спальню. Впереди еще по меньшей мере четыре часа сна — роскошь! На секунду она задержалась у детской кровати. Ваня и Сания лежали на спине, ручки согнуты в локтях и подняты вверх, словно по команде «сдаемся». Сердце у Зины сладко сжалось и кувыркнулось — оно научилось этим кульбитам весной девяносто первого года, когда родились мальчики.

* * *

На следующее утро, увидев сиротливое пятно пыли на тумбочке для телевизора, Зина обозвала себя дурой. А если бы он с ножом пришел? Изнасиловал ее? Нет, таких, как она, не насилюют. Зина почему-то была уверена, что над человеком, усталым до отупения, нельзя надругаться.

— Утащить среди ночи телевизор, — сказала она вслух. — Бедный какой, своего нет.

Назвать толстяка бедным можно было только с издевкой. По информации соседей, он купил однокомнатную квартиру за шестьдесят тысяч долларов, ремонт ему делали югославские рабочие, мебель вся новенькая, разъезжает на иностранном автомобиле.

Словом, вряд ли считает каждую копейку. В отличие от Зины. Она в последнее время питается только картошкой и макаронами. Малышам пока достаточно двух яблок в день. Но скоро понадобится больше фруктов и надо будет отлучать их от груди.

Мужу не выдают зарплату четыре месяца.

Чужое вальяжное благополучие рядом с собственной нуждой Зину не раздражало, у нее не было времени задумываться о подобной несправедливости. Она вспоминала о соседке, только когда за стеной гремела музыка или слышался громкий женский смех, да злилась из-за долгого ремонта: запах лаков и красок витал на ее балконе и туда нельзя было вынести малышей.

Никогда прежде Зина не смотрела так часто на часы. Теперь циферблат припечатался к ее сознанию как переводная картинка к пасхальному яйцу.

Раньше часы показывали время: семь утра, час дня.

Теперь сигналили: кормление, стирка, прогулка, снова кормление, утюжка, приготовление еды, кормление, уборка, купание, кормление. Две строгие стрелочки руководили ее жизнью, и Зине казалось, что с утра они бегут веселее и быстрее, к ночи — передвигаются медленно и тяжело, как ее усталое тело. Она трудилась не на износ, износ давно кончился. Но ради своих малышей она бы делала тупую, примитивную, в песок утекающую работу и на четвереньках.

Зина услышала призывное чмокание, подошла к кровати. Саня и Ваня скатились на середину и лупили друг друга ладошками.

— Это кто тут дерется? — притворно строго спросила Зина.

Она подняла Ваню и отложила в сторону.

— Кто зачинщик? Опять ты, Санечка? — Зина распеленала его. — Ах, он еще и мокрый! И ты тоже? — Зина сняла пеленки с Вани. — Очень хорошо, общественный туалет устроили и деретесь. Ну, я вам сейчас покажу!

Она щекотала и массировала их пухленькие тельца, целовала их и смеялась вместе с ними.

Ни вечером, ни на следующий день, ни через неделю сосед телевизор не вернул. Зина с отвращением думала о том, что придется самой идти к этому нахалу и алкого-

лику, но все откладывала. Однажды они столкнулись на лестничной клетке. Сосед болтал какую-то чепуху и ни словом не обмолвился о ее телевизоре. Подобная беспардонность — хоть бы извинился, что вещь задерживает, — настолько изумила Зину, что она не нашлась что сказать.

* * *

Петров проспал и опаздывал на важные переговоры. Лифт не работал. Спускаясь по лестнице, он рассчитывал: если на Садовом кольце не будет пробки, может успеть или опоздает на пять минут. Пять минут они подождут.

На первом этаже у лифта стояла девушка с широкой коляской для близнецов.

Петров сначала не узнал Зину. У нее было незапоминающееся лицо — никаких дефектов, но и никакого шарма. Взгляду не за что зацепиться. Сейчас она хмуро трысала коляску, в которой плакали младенцы.

Соседка, вспомнил Петров. Кажется, у нее не в порядке с головой. Два дня назад столкнулся с ней у мусоропровода, и она уставилась на него так, словно он обещал на ней жениться и не сдержал слово. Петров весело заметил, что, мол, не верит в приметы насчет пустых ведер. Но соседка не отреагировала и продолжала пялиться. Тогда он растянул губы в самой обворожительной из своих улыбок. Дамочка скривилась так, словно он выругался. Чокнутая, решил Петров, надо держаться от нее подальше.

Зина уже полчаса маячила у лифта. Они вернулись с прогулки и оказались отрезанными от квартиры — добраться на пятый этаж можно было только на лифте. На сетчатом днище коляски лежали продукты, купленные на рынке у метро: капуста, картофель, молоко, яблоки — добрых десять килограммов. Кормление задерживалось, и

привыкшие к четкому режиму малыши протестовали дружным плачем. Она ругала себя за то, что решила погулять по бульвару. С улицы уходить не хотелось — стояли последние теплые дни бабьего лета.

— Вы не можете мне подняться в квартиру? — попросила Зина.

Она говорила в спину Петрову. Поздоровавшись, он протиснулся мимо коляски и быстро прошмыгнул к двери подъезда. Не успел. Услышав просьбу, он сморщился, но, когда разворачивался, изобразил на лице скорбь и раскаяние.

— Честное слово, страшно спешу, извините. — Петров развел руки в стороны и жалостливо улыбнулся.

Многодетная мать различать улыбки решительно не умела. На глазах заблестели слезы, и она отвернулась.

«Плохой дядя оставляет в беде несчастных младенцев и их плачущую мать-шизофреничку, — мысленно чертыхнулся Петров. — Пропади ты пропадом».

Он подошел к коляске:

— Как мы будем транспортироваться?

— Я возьму Ваню и Саню, — обрадовалась Зина, — а вы коляску, только она тяжелая. Если бросить здесь, обязательно стащат, несмотря на замок в парадном.

«А на другую у меня денег нет», — добавила она про себя.

«Голубушка, — подумал Петров, — мне дешевле тебе новую купить, чем пропустить сегодняшнюю встречу. Надо же — Ваня и Саня, вот деревня».

Коляска действительно была очень тяжелой и неудобной. Добравшись до пятого этажа, Петров решил, что без душа и смены рубашки ему теперь не обойтись.

Зина открыла дверь, и Петров увидел веревки с разноцветными пеленками, ползунками и прочей детской одежкой. Что-то в этой картине было знакомое. Наверное, видел в каком-нибудь итальянском фильме, где

взбалмошная жена в окружении оравы вопящих ребятешек устраивает сцены мужу-ловеласу.

Петров посмотрел на часы: если позвонить прямо сейчас, возможно, успеет перенести встречу, потом заскочит домой и переоденется.

— Где у вас телефон? — спросил он. — Можно я позвоню?

— На кухне и в большой комнате, — сказала Зина. — Спасибо, что помогли. Дверь потом захлопните.

Она прошла в спальню, села на диван, расстегнула блузку и вытерла влажной салфеткой грудь — плохо, конечно, что не помылась в ванной, но там бродит сосед, а дети уже сипят от крика.

Зина приспособилась кормить обоих сыновей одновременно. Полулежа на диване, она подкладывала под спины детей подушки и устраивала их валистиком у своей груди. Когда родная сестра Валентина впервые увидела их в этой позе, невольно сморщилась:

— Как свиноматка.

— Ничего ты не понимаешь, — ответила Зина.

Восемнадцатилетняя Валя не понимала, как можно радоваться тому, что твое тело превратилось в молочную фабрику, а сама ты больше напоминаешь животное, чем человека. Утверждение Зины, что кормление — единственный в жизни физический контакт матери и ребенка — есть суть материнства, оставалось для Вали абстракцией.

Петров стоял в проеме двери и наблюдал, как два пухлых сосунка, положив ручонки на небольшую, но крепко налитую грудь, иступленно втягивают в себя молоко. Их мать что-то ворковала, целовала то одну, то другую макушку. Лицо у нее было счастливо-отрешенное.

«Ясно, почему художников всегда тянуло писать материнство, — подумал Петров. — И никто, похоже, не добился успеха. Не догадывались дать в руки кормящей матери двух младенцев».

— Левый, кажется, халтурит, — сказал Петров вслух.

Зина подняла голову. Она не испугалась и не смутилась. Сосед видит в ней сейчас дойную корову. «Пусть, пусть усмехается, сытый купчина».

— Как там мой телевизор? — спросила Зина. — Не мелькает изображение? Звук не пропадает?

— Так это ваш? — воскликнул Петров. — Хоть убейте, не мог вспомнить, откуда он у меня взялся. Мы футбол хотели посмотреть, а мой телик накрылся.

— А мой?

— Ваш в порядке. Значит, вы столько времени на меня злитесь? Ведь сами не пришли, не попросили обратно.

— Ждала, когда придете за холодильником, чтоб уж вместе забирать. Только в следующий раз, когда вам понадобится бытовая техника, не ломитесь ко мне среди ночи, дождитесь утра.

— Договорились.

Петров продолжал посмеиваться, но Зине было не до смеха: нужно было заканчивать кормление.

Зина быстро убрала грудь.

— По-моему, вы спешили, — намекнула она.

— И продолжаю, — ответил Петров.

Но вместо того чтобы удалиться, подошел ближе и стал наблюдать за тем, как Зина меняет пеленки малышам. Он успел заметить, что соски у нее странного ярко-розового цвета. «До крови, что ли, дети ранят мать?» Он не стал уточнять интимные подробности, кивнув на детей, спросил другое:

— Вы их различаете?

Каждый, кто видел близнецов, задавал Зине этот глупый вопрос. На ее взгляд, Ваня и Саня были совершенно разные.

— Различаю, привязываю тряпочки. — Она кивнула на забинтованный пальчик Вани.

Ванечка поранился, засунув пальчик в треснувшую пластмассовую игрушку.

— Ага, — хмыкнул Петров, — по утрам решаете: сегодня это Саня, и бинтуете.

— Наоборот.

— Ясно, на следующий день наоборот.

Кажется, сосед был настолько глуп, что принял ее слова всерьез.

Зина разогнулась, потерла рукой ноющую поясницу, собрала мокрые пеленки и пошла в ванную.

— Почему вы не пользуетесь памперсами? — спросил сосед.

«Потому что у меня нет денег на них», — мысленно ответила Зина.

— Считаю их вредными, — сказала она вслух. — Памперсы — это же постоянный компресс. Яички у мальчиков перегреваются, могут воспалиться, потом детей у них не будет.

Эти аргументы она вычитала во время беременности в одном журнале. В статье их как раз опровергали.

— Сейчас самое время заботиться о потомстве Вани и Сани, — усмехнулся Петров. — Как вас зовут?

— Зина.

— Редкое имя, какое-то деревенское. Меня кличут Петров.

— А вам с именем так не повезло, что произносить его стесняетесь?

— Верно. — Петров опять улыбнулся. — Меня зовут Павлом. Народ имеет обыкновение использовать вариант Паша, а он мне не нравится. Потому что напоминает уборщицу тетю Пашу из нашей школы. У меня с ней не сложились отношения.

— Вы, наверное, брали у нее швабры и забывали вернуть.

— Да принесу я ваш телевизор, вечером принесу. А с головой у вас, кажется, все в порядке, — сказал Петров, прощаясь.

— Не могу сказать то же самое о вашей, — тихо ответила Зина уже в закрытую дверь.

Краем уха она услышала характерную возню и пошла разнимать драчунов.

* * *

Петров окончил мехмат МГУ. В дипломе его специальность называлась «математик». Лет с шестнадцати его страстью, хобби, смыслом жизни, его наркотиком были компьютеры. Он сам их собирал, настраивал, ремонтировал, осваивал новинки. У них была замечательная компания. Нищие, голодные, слегка сумасшедшие приверженцы дела, в котором мало кто тогда смыслил, они были своего рода сектой, которую никак не тревожили ни застой, ни перестройка. В конце 80-х годов, когда компьютеризация страны набрала ход, их знания приобрели большую значимость и цену вполне материальную. Компания распалась, все растеклись по фирмам и кооперативам. Нет, не все. Кто-то не смог поменять жизнь богемную на конторскую, пропал, сгинул, спился. Петров не пропал. Ныне он был вице-президентом большой фирмы, которая выпускала компьютеры, держала сеть магазинов, разрабатывала программы. За пять лет он из полунищего младшего научного сотрудника превратился в преуспевающего бизнесмена.

На работе Петров слыл бабником. Ему было тридцать лет, он был не женат, с легкостью распространителя бесплатной рекламы делал женщинам комплименты, а его секретарша Леночка обладала внешностью супер-модели.

Когда два года назад менеджер по кадрам прислал Леночку к Петрову, он со вздохом подумал, что забавная репутация дамского угодника сослужила ему плохую службу.

— С вашими данными, — сказал он тогда Лене, — бессмысленно работать, быть умной и вообще мыслить. Вы можете ходить по миру и собирать деньги за то, что на вас смотрят. По десятибалльной системе я бы вам выставил девять с половиной — ну чтобы хоть мизер оставить для идеала. Мне же требуется рабочая лошадь, а не выставочный образец. Экстерьер моего секретаря ровным счетом ничего не значит в сумасшедшей и, смею вас уверить, очень напряженной работе. Если вы сможете трудиться на пять с половиной, я буду рад и доволен. Но если ниже... Леночка, отправляйтесь лучше в Дом моделей. Подиум без вас рыдает. Таковы условия.

Ее ответ продемонстрировал некое наличие интеллекта:

— Согласна. Пять с половиной, и вы без моего позволения под юбку ко мне не полезете.

— О, этот пункт я упустил, — усмехнулся Петров.

— Шесть с половиной — и без домогательств, — торговалась девушка.

— По рукам, — рассмеялся Петров и напомнил: — Без вашего согласия. Не хотите сегодня со мной поужинать? Нет? Значит, в следующий раз. Испытательный срок два месяца.

За два года Леночка добралась до семибалльного уровня.

Странно было предположить, но она умела работать и действовала с четкостью метронома и ловкостью карманника.

Петрова (да и саму Леночку, иначе зачем бы она так наряжалась) забавляло, как реагируют на нее новички. В юбке, которая больше напоминала набедренную повязку, с длиннющими ногами, львиной гривой золотистых кудряшек и красиво-порочным лицом, она походила на девицу легкого поведения, случайно перепутавшую панель с канцелярским столиком. Когда народ слышал ее змеиные колкости и сталкивался с введливо-

стью записной бюрократки, то переживал легкий психологический шок. В настроении недоуменной растерянности посетители оказывались в кабинете Петрова и невольно становились шелковыми.

Несколько раз Петрову совершенно серьезно предлагали Леночку продать, сулили большие деньги, если уговорит ее перейти в другую фирму. Он отшучивался — мол, у них заключено особое трудовое соглашение и вторая часть его пока не выполнена. Однажды он в самом деле провел разведку боем: после какого-то банкета заманил ее в кабинет и пытался поцеловать. Пощечина, которую она ему отвесила (не тыльной стороной ладони, а наотмашь, как надоедливой мухе), была весьма болезненна. Поглаживая щеку, Петров мрачно буркнул:

— Теперь я должен изречь: за эту оплеуху я уважаю тебя еще больше. Ну уважаю, и что? Куда ты денешь это уважение? На стенку в рамочке повесишь?

Леночка не сочла нужным ему отвечать. Она презрительно осмотрела его с ног до головы, пожала плечами и вышла, вызываяще покачивая бедрами. Следующий рабочий день они начали как ни в чем не бывало.

Петров не был влюблен в Леночку, но считал бы себя последним дураком, если бы не добивался такой красавицы.

* * *

Около восьми вечера Петров включил в кабинете телевизор и вспомнил о другом — том, который нужно вернуть соседке.

— Лен, ты еще не ушла? — нажал он кнопку переговорного устройства.

— Ушла.

— Тогда вернись. У тебя рабочий день ненормирован. Мне нужна игрушка для младенцев.

— У вас появились дети?

— Боже упаси, с ума сошла. Я своих топлю сразу по рождении.

— Почему для младенцев во множественном числе? Детский дом?

— Вроде того, два человечка.

— Близнецы?

— Верно. Сообрази что-нибудь оригинальное.

— Сто долларов, и деньги вперед.

— Ты выражаешься как продажная женщина.

— Порассуждайте на эту тему подольше, «Детский мир» закрывается через пятнадцать минут.

* * *

Если бы сосед не принес телевизор вечером, Зина бы не удивилась. Петров был существом из другой жизни, где благоухают одеколонами, ходят на работу и в рестораны, хронически высыпаются, читают книги и смотрят кино. В той жизни — Зина из нее давно выпала — можно давать обещания и не выполнять их, забывать, опаздывать, не обращать внимания на мелочи — и трагедии не произойдет.

В Зинином мирке упусти она что-нибудь, не сделай вовремя — случится нехорошее, пострадают дети.

Не выстирала она пеленки — не во что их переодеть, не искупала — появились опрелости. Стрелки часов строго контролировали ее обязанности и за нарушение режима карали дополнительной работой и лишением сна.

Кроме того, телевизор она смотрела редко. Если выдавалось время, включала его, но через три минуты засыпала, то же самое происходило с книгами: полстраницы — и задремала.

Петров телевизор принес. И вместе с ним большую яркую коробку.

Зина была одета в застиранный ситцевый халатик.